

МОЙКА ПО ДОГОВОРУ

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская

Мойка по договору

«Автор»

2026

Чародейская Н.

Мойка по договору / Н. Чародейская — «Автор», 2026

Она — Ева, безработный ландшафтный дизайнер с фикусом Феликсом, дырявыми кроссовками и долгом за разбитый капот. Он — Марк, циничный владелец строительной империи, который ненавидит хаос, запах ванили и внезапно возникшую соседку с губкой «Аист». Фиктивный договор: она моет его Porsche, он кормит её томатами. Но случайные взгляды, шоколадная «Монополия» и изумрудное платье превращают сделку в нечто большее. Когда возвращается бывшая невеста Марка с шантажом, а «мертвый» муж Евы требует квартиру, героям предстоит понять: любовь не спасает по договору. Но постучаться в чужое сердце можно даже фикусом. Ссоры до хрипоты, нежность до дрожи и хэппи-энд, после которого хочется перечитывать.

© Чародейская Н., 2026

© Автор, 2026

Надежда Чародейская

Мойка по договору

Глава 1. Цветы для идиота

Город заливал асфальт жидким июльским солнцем. Ева несла в руках фикус в горшке, перевязанном бантом. Фикус звали Феликс. Феликс был последним, что у неё осталось от бабушкиной квартиры, которую завтра опечатают приставы.

— Ничего, Феликс, мы что-нибудь придумаем, — пробормотала Ева, сворачивая за угол. — Лика сказала, у неё на диване можно переночевать. Правда, там кот, который писает на подушки, но...

Она не договорила. Потому что прямо перед ней, визжа тормозами, остановился чёрный Porsche. Ева успела только выставить вперёд руки. Фикус Феликс вылетел из её ладоней и с глухим «бздынъ» приземлился прямо на капот автомобиля.

Горшок не разбился. Но земля — да. Мокрая, жирная, чернозёмная земля разлетелась по идеально чёрному лакированному металлу веером, словно кто-то выстрелил из лука грязью.

Дверь Porsche открылась.

Из машины вышел мужчина. Ева почему-то ожидала увидеть толстого дядю в золотых цепях. Но нет.

Чёрные брюки, белая рубашка с закатанными рукавами, часы, от которых у Евы заныл зуб мудрости, и глаза. Глаза цвета промозглого ноябрьского дождя. Он смотрел на капот, на останки фикуса и на неё с таким выражением, будто она только что подожгла приют для слепых щенков.

— Ты. — Он ткнул в неё пальцем. Голос низкий, хриплый. — Ты понимаешь, что ты сделала?

— Спасла вам жизнь? — лягнула Ева, отряхивая свитер. — Вы вылетели на пешеходный. А я в вас цветком. Считайте, это кармический щит.

Он прищурился. Подошёл ближе. От него пахло кожей, кофе и чем-то опасным. Ева инстинктивно сделала шаг назад — и упёрлась спиной в фонарный столб.

— Это «Porsche 911 Turbo S», — медленно произнёс он, словно обращаясь к умственно отсталой. — Эксклюзивный оксид черного матового. Знаешь, сколько стоит перекрасить капот?

— Дороже, чем моя жизнь, предполагаю? — Ева выдавила улыбку. Очень жалкую.

— Примерно в сто раз. — Он вытащил телефон. — Твои документы.

— У меня нет документов. Я их потеряла в автобусе. — Соврала она. На самом деле они лежали в кармане, но этот тип явно из тех, кто подаст в суд.

Он набрал что-то в телефоне, потом внезапно остановился. Наклонился. Поднял с земли бабушкин фикус.

— Он живой ещё, — сказал мужчина, поворачивая горшок. — Корни целы.

Ева замерла. Это был самый неожиданный поворот за сегодня. А сегодня у неё уже был: увольнение, угроза выселения и ДТП с растением.

— Вы... разбираетесь в фикусах?

— Я разбираюсь в людях. — Он сунул горшок ей в руки. — Ты бежишь от приставов, у тебя дыра на кроссовке, и ты врёшь про потерянные документы. Ты не можешь заплатить. Поэтому ты будешь мне должна не деньгами.

Ева похолодела. У неё в голове мгновенно пронеслась вереница страшных вариантов: от рабства на плантациях до незаконного вывоза органов.

— Я... я не буду с вами спать, если вы на это намекаете! — выпалила она громко, так что прохожие обернулись.

Он сделал паузу. И — Ева могла поклясться — уголок его рта дрогнул.

— Боже упаси, — сказал он ледяным тоном. — Я ещё не настолько отчаялся.

— Спасибо, подлизали рану, — пробормотала Ева.

— Ты почистишь мой капот. Своими руками. Тряпкой из микрофибры. Каждый вечер в течение недели. Приходи вот по этому адресу. — Он сунул ей в руку визитку. Чёрную. Золотые буквы: «МАРК СОКОЛОВ, СЕО «Соколов-Строй».

— А если я не приду?

— Тогда я найду твоих приставов и скажу, что ты скрываешься. Удачи, Феликс. — Он кивнул фикусу и сел обратно в машину, даже не стряхнув землю с рубашки.

Porsche уехал, обдав Еву выхлопными газами. Она посмотрела на визитку, потом на фикус.

— Феликс, — сказала она растению, — кажется, мы только что вляпались в историю, которая закончится либо свадьбой, либо тюрьмой.

Фикус молчал. Но, кажется, одобрял первый вариант.

Глава 2. Микрофибра и первая трещина

Ева стояла у ворот особняка Марка Соколова ровно в семь вечера. Не потому, что она ответственная. Потому что Лика вытолкала её в шею со словами: «Или ты идёшь мыть эту тачку, или я звоню твоим приставам сама».

На ней были джинсы с дыркой на колене (не дизайнерской, а настоящей), выцветшая толстовка с единорогом и те самые кроссовки, которые видели лучшие времена. В руке — ведро с губкой и средство для мытья посуды «Аист». Другого у неё не было.

Охранник на проходной смотрел на неё как на инопланетянина.

— Вы к кому?

— Я мою машину. Марка. Соколова. — Ева подняла ведро повыше. — По личному приглашению.

Охранник куда-то позвонил, покивал и открыл калитку. Территория оказалась размером с небольшой парк. Дорожки из брусчатки, стриженные туи, фонтан. Ева почувствовала, как внутри закипает профессиональная обида ландшафтного дизайнера: эти туи посажены слишком близко друг к другу, а фонтан — без каскадных растений по краям.

— Бардак, — пробормотала она себе под нос. — За такие деньги — такой убогий ландшафт.

— Тебя не учили, что мысли материальны?

Голос раздался сверху. Ева подняла голову.

Марк стоял на балконе второго этажа в чёрном халате и с чашкой кофе. Мокрые волосы зачёсаны назад. Без обычного костюма он выглядел... моложе. И опаснее. Потому что домашний Марк казался почти человеком.

— Я пришла мыть, — сказала Ева, демонстрируя ведро.

— Вижу. — Он перевёл взгляд на средство «Аист». Бровь поползла вверх. — Ты собралась мыть мой Porsche средством для посуды?

— Оно отлично отмывает жир.

— Это не жир. Это оксид чёрный матовый. Ты его сожжёшь за минуту.

Ева на секунду замялась. Но отступать было некуда. Долг есть долг.

— Тогда дайте мне нормальное средство.

Марк исчез в доме и через минуту вышел уже в джинсах и футболке. В руке он держал чёрный кейс, из которого достал пять бутылочек с непроизносимыми названиями, три вида тряпок и какое-то устройство, похожее на пистолет.

— Слушай и запоминай, — сказал он, вставая рядом с ней у капота. — В первый раз моешь губкой с маркировкой «Premium Soft». Движения только продольные. Никаких круговых. Поняла?

— Я не на экзамене по атомной физике, — огрызнулась Ева. — Это машина, а не артефакт.

Марк посмотрел на неё. Тяжело. Потом взял её руку с губкой и начал водить ею по капоту.

Ева перестала дышать.

Его ладонь была горячей и сухой. Он водил её рукой медленно, как будто учил танцевать вальс. От него пахло кофе, мятой и чем-то древесным. Она чувствовала его плечо рядом со своим. Если бы она повернула голову на пять сантиметров, то упёрлась бы носом в его шею.

— Вот так, — сказал он отрывисто и отпустил её руку. — Продолжай.

Ева моргнула. Сердце стучало где-то в горле. Она ненавидела себя за это. Он — высокомерный засранец в дорогом доме. Она — девушка с ведром и единорогом на толстовке. Между ними ничего не может быть. Даже химии. Тем более химии.

Она мыла машину молча. Он стоял рядом, пил кофе и молчал. Тишина была странная — не неловкая, а какая-то... полная. Как будто оба боялись её нарушить, потому что тогда пришлось бы что-то сказать. А что тут скажешь?

— Почему фикус? — спросил Марк вдруг.

— Что?

— Феликс. Почему ты разговариваешь с растением?

Ева выпрямилась. На щеке у неё была пена от неправильной губки.

— Феликс — единственное существо в этом городе, которое меня не предало. И он не перебивает.

— Разумно.

— А у вас есть кто-то, кто вас не предал? — спросила Ева и тут же пожалела.

Марк поставил чашку на парапет. Секунду смотрел на фонтаны.

— Нет, — сказал он просто. — Поэтому у меня нет фикусов. И не будет.

В этот момент из дома вышли двое. Первый — высокий блондин в очках, с добрым лицом, но цепким взглядом. Второй — девушка с идеальной укладкой и бриллиантами в ушах. Девушка сразу вцепилась в руку Марка.

— Марк, дорогой, ты не представляешь, — зашебетала она, даже не глядя на Еву. — Я тут хотела заказать ужин, а Роман сказал, что ты запретил пускать шеф-повара после десяти. Это же глупо!

— Алиса, — ровно сказал Марк, освобождая руку. — Шеф-повар спит ночью. В отличие от тебя, он работает днём.

Алиса надула губы и только тогда заметила Еву с губкой.

— А это... кто?

— Мойка, — ответил Марк.

— Сегодня в моде такой экзотический досуг? — Алиса оглядела Еву с ног до головы, задержалась на единороге. — Интересная униформа.

Ева почувствовала знакомый укол в груди. Так с ней разговаривали в школе богатенькие девочки из параллельного класса. Она уже открыла рот, чтобы ответить что-нибудь острое, но Марк её опередил.

— Алиса, ты хотела забрать свои вещи. Вещи — в гардеробной. Мойка — на улице. Не пересекайтесь.

Алиса фыркнула и ушла в дом. Блондин — Роман — задержался. Он посмотрел на Еву, потом на Марка, потом снова на Еву. И улыбнулся — понимающе, по-свойски.

— Марк, — сказал Роман тихо, но так, чтобы Ева слышала. — Ты забыл сказать девушке, что полироль наносится только на сухую поверхность. Иначе будут разводы.

Марк замер.

Роман похлопал его по плечу и ушёл вслед за Алисой.

Ева перевела взгляд на капот. Разводы были. Крупные, жирные, уродливые разводы.

— Я всё испортила? — спросила она.

Марк молчал. Потом взял из её рук губку, бросил её в ведро и сказал:

— Иди в дом. Умоешься. Я закажу пиццу.

— Зачем?

— Потому что ты пропустила обед. Я слышал, как урчит твой живот. — Он отвернулся к капоту и начал методично исправлять её ошибки. — Еда — это не благотворительность. Это инвестиция в качественную мойку завтра.

Ева стояла с открытым ртом.

Её живот предательски заурчал снова.

Внутри дома Роман закинул ноги на журнальный столик и сказал Марку, который вернулся с двумя коробками «Маргариты»:

— Ты влип, друг.

— Я контролирую ситуацию, — ответил Марк, глядя в окно. Там Ева пыталась отмыть от мыла свой единорог.

— Конечно. — Роман взял кусок пиццы. — Поэтому ты купил её любимую «Маргариту», хотя ненавидишь томаты.

Марк промолчал.

За окном начало темнеть. Фонари зажглись автоматически. Ева подняла голову, увидела Марка у окна и помахала ему губкой.

Он не помахал в ответ. Но, кажется, улыбнулся.

Очень незаметно. И очень нехотя.

Глава 3. Монополия, шоколад и первый смех

— У тебя нет денег на такси.

Это был не вопрос. Марк стоял в дверях гаража, скрестив руки на груди, и смотрел, как Ева тычет в экран разряженного телефона. «Доширак, единорог, разбитый телефон» — по его лицу было понятно, что он составляет её финансовый портрет в реальном времени.

— У меня есть деньги на такси, — соврала Ева, не поднимая головы.

— На проезд в автобусе, который уже не ходит, потому что одиннадцать вечера?

— Откуда вы знаете про автобус?

— Ты живёшь в Некрасовке. Последний автобус в 22:15. — Марк пожал плечами. — Я посмотрел прописку в твоих документах, когда ты побежала в туалет.

Ева открыла рот. Закрыла. Открыла снова.

— Это... это незаконно!

— Это предусмотрительно. — Он развернулся и бросил через плечо: — Гостевая спальня на первом этаже, направо по коридору. Полотенца в шкафу. Пользоваться посудой из фарфора запрещаю — боишься, что разобьёшь и опять будешь должна.

— Я не могу остаться у вас! — крикнула Ева в спину. — Это неприлично!

Марк остановился. Обернулся. В полутьме гаража его глаза блеснули жёлтым светом фонарей.

— Ева, ты мыла мою машину губкой из «Пятёрочки» и средством «Аист». Понятие «прилично» мы пересекли где-то на подъезде к воротам. Иди в дом. Я устал спорить с твоим животом.

Чтобы подчеркнуть правоту момента, желудок Евы издал звук, похожий на рык маленького, но очень голодного льва.

Через пятнадцать минут она сидела на гигантском белом диване в гостиной, завернутая в махровый халат («Гостевой, не вздумай забрать, у него бирка три тысячи евро»), и смотрела, как Марк раскладывает на кофейном столике коробки с пиццей.

— Ты помыл руки? — спросил он, не глядя.

— Я помыла всё, до чего дотянулась. В вашем доме двадцать видов мыла. Я чувствую себя химиком-лаборантом.

— Хорошо. — Он подвинул к ней «Маргариту». — Ешь.

Ева взяла кусок. Вкус был такой, что глаза закрылись сами собой. Тонкое тесто, свежий базилик, сочная моцарелла. Она не ела ничего подобного никогда. В её мире пицца была замороженной и стоила 199 рублей.

— Боже, — простионала она с полным ртом. — Это... это секс.

Марк, который как раз откусывал свой кусок (с рукколой и пармской ветчиной, потому что нормальную пиццу он, конечно, не ел), закашлялся.

— Не сравнивай еду с сексом за моим столом, — сказал он, прокашлявшись. — Особенно с набитым ртом.

— А вы prudish? — удивилась Ева. — Такой весь чёрный, строгий, а стесняетесь слова «секс»?

— Я не стесняюсь. Я устал от твоих формулировок.

— Тогда скажите честно. — Ева откусила ещё кусок и посмотрела на него в упор. — Вы привезли меня в свой дом, кормите пиццей, даёте халат за три тысячи евро... Вы меня охмуряете?

Марк медленно положил пиццу. Взял салфетку. Вытер пальцы. Посмотрел на неё так, будто она спросила, не хочет ли он жениться на фикусе.

— Ева, — сказал он предельно спокойно. — Я не охмуряю. Я заключаю сделки. Сейчас наша сделка называется «ты ешь, чтобы завтра нормально отмыть мой капот». Всё. Без подтекста.

— А «Маргарита»? Почему именно она?

— Потому что в твоём рюкзаке я видел пустую пачку из-под «Маргариты» за 199 рублей.
— Он взял свой кусок обратно. — Я всего лишь хочу, чтобы ты не умерла голодной смертью до того, как отработаешь долг.

Ева замолчала. Ей стало почему-то обидно. Не за пиццу. За то, что он такой... правильный. Рациональный. Бесчувственный.

— Вы когда-нибудь делали что-то просто так? — спросила она тихо. — Без расчёта? Без выгоды?

Марк жевал. Молчал. Долго.

— В детстве, — сказал он наконец. — Я накормил бездомного кота. Кот умер через неделю.

— И вы больше никому не помогали?

— Я помогаю. Но только если понимаю риск.

Ева хотела сказать что-то колкое, но не смогла. В его голосе не было жалости к себе. Была холодная, выжженная правда. Так говорят люди, которых однажды предали так сильно, что они перестали верить в бескорыстие.

Она доела пиццу молча.

Потом Марк убрал коробки и достал из шкафа коробку с «Монополией».

— Что это? — удивилась Ева.

— Игра. Ты умеешь играть?

— Умею. Но вы выглядите не как человек, который играет в настолки.

— А как я выгляжу?

— Как человек, который коллекционирует черепа побеждённых врагов.

Марк усмехнулся. Нет, не усмехнулся — уголки его губ действительно приподнялись на пару миллиметров. Ева решила запомнить этот момент.

— «Монополия» — лучшая игра для сделок, — сказал он, раздавая деньги. — И сегодня ты узнаешь, почему я владею строительной компанией.

— Вы хотите меня обыграть?

— Я хочу тебя уничтожить.

Он не врал.

Первые десять минут Ева чувствовала себя котёнком, которого бросили в клетку со львом. Марк скупал улицы пачками, строил дома, поднимал арендную плату. У неё же были только «Железная дорога» и пара бесполезных компаний.

— Вы жульничаете! — вскрикнула она, когда Марк в третий раз приземлился на её клетку и заплатил 50 долларов вместо 200.

— Докажи.

— Я видела! Вы переставили фишку!

— Твои глаза тебя обманывают. — Марк был абсолютно серьёзен. — Учись проигрывать.

И тогда Ева сделала то, чего он не ожидал. Она взяла фишку — розового слона — и запустила его в голову Марка.

Слон попал точно в лоб. Отскочил. Упал в бокал с водой.

Наступила тишина.

Марк потрогал лоб. Посмотрел на слона в бокале. Потом на Еву.

— Ты кинула в меня слоном?

— Вы заслужили.

— Это антикварное издание.

— А я антикварная девушка с губкой «Аист». Мы квиты.

Он смотрел на неё ещё секунду. Ева уже приготовилась к тому, что её выставят за дверь в одном халате. Но вместо этого...

Марк засмеялся.

Не так, как смеются на светских приёмах — вежливо и коротко. А по-настоящему. Громко. С хрипотцой. С запрокидыванием головы.

Ева замерла.

Потому что смеющийся Марк был самым красивым человеком, которого она видела в жизни. Исчезла холодная маска. Остались живые глаза, морщинки у уголков, уязвимая шея.

— Ты... — выдохнул он, вытирая слезу. — Ты единственный человек, который посмел кинуть в меня предметом за последние десять лет.

— И как вам?

— Неожиданно. — Он всё ещё улыбался. — Приятно неожиданно.

Они доиграли партию. Ева, конечно, проиграла — разорилась в пух и прах. Но когда Марк объявил «игра окончена», она взяла со стола шоколадку, которую он незаметно положил рядом с её бокалом.

— Это откуда? — спросила она.

— Входило в стоимость пиццы. — Марк встал, потянулся, и Ева заметила, какой он высокий, когда не сидит. — Сладкий сон, Ева. Завтра в семь утра мойка продолжается.

— А если я сбегу?

— Ты не сбежишь. — Он остановился в дверях. — Ты любопытная. Ты хочешь узнать, почему я перестал смеяться. И почему снова начал.

— С чего вы взяли?

— Потому что я тоже любопытный. — Он посмотрел на неё через плечо. — Спокойной ночи.

Дверь закрылась.

Ева осталась одна в огромной гостиной. Посмотрела на шоколадку. «Линдт», молочный, с фундуком.

Она развернула её, отломил кусочек и прошептала в пустоту:

— Феликс, мы в опасности. Кажется, этот человек умеет быть хорошим.

Фикус в углу гостиной (которого Марк почему-то забрал с места аварии) молчал. Но Еве показалось, что он кивнул.

Глава 4. Завтрак, фартук и кофе на рубашку

Ева проснулась от того, что кто-то настойчиво тыкал её в плечо. Она приоткрыла один глаз и увидела... Марка. В трёх сантиметрах от своего лица.

— Ты храпишь, — сказал он будничным тоном, как будто сообщал, что на улице идёт дождь.

— Неправда, — прохрипела Ева, натягивая одеяло до подбородка. — Я не храплю. Вы меня разбудили, чтобы оскорбить?

— Я тебя разбудил, потому что сейчас 6:45. В семь мы начинаем мыть машину. А ты лежишь в позе морской звезды и занимаешь всю кровать.

Ева моргнула. Огляделась. Гостиная спальня была размером с её бывшую квартиру. Кровать — шириной с футбольное поле. Она лежала ровно посередине, раскинув руки и ноги. Одна подушка валялась на полу, вторая была зажата между её коленями.

— Это... это нормальная поза для сна, — пробормотала она. — Все так спят.

— Я — нет. — Марк выпрямился. На нём были домашние штаны и футболка. Волосы влажные, как будто он уже успел принять душ и сделать зарядку. — У тебя десять минут. Ванная направо. Кофе будет готов через пятнадцать.

Он вышел. Ева рухнула обратно на подушку и застонала.

— Почему он такой бодрый? — спросила она у потолка. — В шесть утра. Кто встаёт в шесть утра по доброй воле? Только sociopaths.

Через двенадцать минут (она специально опоздала на две, чтобы показать характер) Ева вышла на кухню.

И замерла.

Марк стоял у плиты спиной к ней. На нём были только домашние штаны и... фартук. Чёрный кожаный фартук, который, видимо, стоил как её месячная зарплата. Голая спина, плечи, лопатки, которые двигались, когда он помешивал что-то в сковороде.

Ева почувствовала, как у неё пересохло во рту. И не от жажды.

— Ты долго собиралась, — сказал Марк, не оборачиваясь. — Яичница остынет.

— Я... я не знала, что вы умеете готовить.

— Я умею всё, что связано с выживанием. — Он обернулся. В руке — лопатка. На сковороде — идеальная глазунья с помидорами. — Еда — это базовая потребность. Удовлетворять её самостоятельно — признак взрослости.

— Или признак того, что у вас нет человека, который готовит вам завтрак, — ляпнула Ева и тут же прикусила язык.

Марк посмотрел на неё. Без злости. Без грусти. Просто... констатируя факт.

— Да. Нет. — Он переложил яичницу на тарелку и поставил перед ней. — Ешь. У тебя три минуты.

— А вы?

— Я уже поел. В 6:15.

— В 6:15 утра? — Ева подавилась помидором. — Вы едите завтрак в 6:15?

— Я просыпаюсь в 5:30. Бегаю до 6:00. Душ. Завтрак. 6:30 — план на день. 7:00 — работа. — Марк взял свою чашку кофе и сел напротив, глядя, как она ест. — Твой хаос меня пугает, но я держусь.

— Мой хаос называется «нормальная жизнь человека без личного самолёта», — огрызнулась Ева, но яичницу доела. Потому что она была великолепной.

Кофе она потянулась сама. Марк его поставил на край стола, слишком далеко от неё. Ева привстала, потянулась — и зацепила рукавом халата чашку.

Кофе полетел на Марка.

Горячая, чёрная, ароматная жидкость вылилась прямо ему на грудь. Футболка промокла моментально. Кожаный фартук спас низ, но верх...

— О, боже, — выдохнула Ева. — О, боже, простите, я не специально, я...

Марк медленно опустил взгляд на свою мокрую, прилипшую к телу футболку. Потом перевёл взгляд на Еву.

— Ты, — сказал он очень спокойно, — пролила кофе. На меня. В моём доме. После того как я приготовил тебе завтрак.

— Я... сейчас... тряпку! — Ева вскочила, задела локтем чашку, и она упала на пол. — Чёрт!

— Не двигайся. — Марк встал. Снял футболку одним движением.

Ева забыла, как дышать.

Потому что под футболкой оказалось то, что снимают в рекламе парфюма. Плечи, ключицы, пресс, который можно использовать как стиральную доску. И шрам — длинный, белый, от ребра до пояса.

Марк перехватил её взгляд.

— ДТП. Два года назад. — Он бросил мокрую футболку в раковину. — Не смотри на меня так, будто я экспонат.

— Я... я не смотрю.

— Ты смотришь. — Он взял с вешалки новую футболку (чёрную, разумеется) и натянул. — Запомни, Ева: кофе на мою рубашку стоит 5000 рублей химчистки. Плюс психологическая травма.

— Какая травма? Вы голая статуя, а не травма!

Марк замер. Повернулся к ней медленно, как хищник.

— Только что ты назвала меня «голой статуей».

— Это был не комплимент. Это была констатация факта.

— Это был комплимент. — Он сделал шаг к ней. — Признай.

Ева попятилась и упёрлась спиной в холодильник. Марк навис над ней — высокий, широкий в плечах, с этим своим холодным взглядом, в котором сейчас почему-то горело что-то тёплое.

— Ладно, — сдалась Ева, закрывая глаза. — Комплимент. Вы красивый. Но противный. Очень противный. Я вас ненавижу.

— Хорошо. — Он отстранился. — Ненависть продуктивнее, чем влюблённость.

— Я и не влюблена!

— Я и не сказал, что влюблена.

Они стояли друг напротив друга. Между ними — остывшая яичница, разбитая чашка и лужа кофе на полу.

— Я сейчас всё уберу, — сказала Ева севшим голосом.

— Уже убрал. — Марк кивнул на робота-пылесоса, который выполз из-под шкафа и начал всасывать лужи. — Умный дом. Он делает всё, что я не хочу делать сам.

— И готовить вы тоже не хотите сами? Поэтому приготовили?

— Я хотел. — Марк взял свою новую чашку и вышел на террасу. — Сегодня. Почему-то захотелось. Не привыкай.

Ева осталась на кухне одна. Посмотрела на робота-пылесоса. На помидоры, оставшиеся на тарелке. На место, где только что стоял Марк с голым торсом.

— Феликс, — прошептала она в пустоту. — Мы не просто в опасности. Мы в эпицентре ядерного взрыва. И этот взрыв пахнет кофе и кожаным фартуком.

Робот-пылесос проехал по её ноге. Ева не отодвинулась. Ей почему-то хотелось, чтобы этот день никогда не заканчивался.

Марк с террасы смотрел на сад. Пил кофе. И думал о том, что впервые за два года кто-то пролил на него кофе, а он не разозлился.

Он даже не попросил её уйти.

Это было опасно.

Глава 5. Доширак против трюфелей

— Мы едем в магазин, — объявил Марк, заходя на кухню, где Ева пыталась причесать свои спутанные волосы вилкой.

— Кто «мы»?

— Ты и я. Ты ведёшь тележку и не ноешь. Я выбираю продукты и не комментирую твою внешность.

— Почему я не могу остаться здесь?

— Потому что у тебя нет еды дома. А я не собираюсь кормить тебя вечно. Это бизнес, а не благотворительность.

Ева хотела возмутиться, но поняла, что он прав. Её холодильник в общежитии состоял из кетчупа, старого сыра и надежды.

— Хорошо, — сдалась она. — Но я выбираю свои продукты сама.

— Договорились. — Марк протянул ей кожаную куртку. — Надевай. На улице пятнадцать градусов, а ты в тонкой толстовке.

— Это ваша куртка?

— Моя. Наденешь — вернёшь. Это не подарок.

Ева надела куртку. Она пахла Марком — кофе, кожей и мятой. Была слишком большой, но уютной, как будто её кто-то обнимал.

— Идём, — сказал Марк, пряча улыбку. Ему почему-то понравилось, как она тонет в его вещах.

Супермаркет назывался «Золотой Лотос». Уже по названию Ева поняла, что цены здесь кусаются. Всё сияло, пахло дорогим кофе и свежей выпечкой. Охранник на входе поклонился Марку.

— Ты здесь частый гость? — спросила Ева, хватая тележку.

— Я здесь плачу налоги. — Марк взял вторую тележку. — Мы разделимся. Ты берёшь свои продукты. Я — свои. Встречаемся у кассы через сорок минут.

— А почему отдельно?

— Потому что если я увижу в твоей тележке доширак, я буду вынужден прочитать лекцию о вреде пальмового масла. А если ты увидишь в моей тележке трюфели, ты назовёшь меня буржуем. Так мы сэкономим время и нервы.

— Хорошо, — кивнула Ева и рванула в отдел с дешёвыми макаронами.

Она не знала, что Марк сделал два шага за ней, остановился и смотрел, как она убегает, смешно перебирая ногами в огромных кроссовках.

— Сорок минут, — сказал он тихо, сам себе. — А я уже скучаю. Это плохо.

Ева любила супермаркеты. Особенно когда у неё нет денег. Она могла часами ходить между рядами, мечтая о том, что когда-нибудь купит красную рыбу, пармезан и настоящий шоколад.

Сегодня у неё было 500 рублей. Оставшихся с прошлой недели.

Она взяла пачку доширака. Потом вторую. Потом гречку — на случай, если доширак закончится. Три яйца (самые дешёвые, категория С2). Буханку хлеба по акции. И маленький йогурт — себе за то, что не плакала, когда Марк снял футболку.

— 487 рублей, — прошептала она, подсчитывая. — И останется на автобус. Идеально.

Она повернула за угол и врезалась в тележку Марка.

Он стоял посреди молочного отдела и смотрел на неё с видом человека, который только что увидел апокалипсис.

— Что у тебя в тележке? — спросил он ледяным тоном.

— Еда, — ответила Ева, прикрывая доширак спиной.

— Доширак. Три пачки.

— Вы не должны были смотреть!

— Я и не смотрел. Я почувствовал запах химии за три метра. — Марк обошёл её и заглянул в тележку. — Гречка. Самые дешёвые яйца. Хлеб, который через два дня станет кирпичом. Ева, это не еда. Это выживание.

— Это то, что я могу себе позволить!

— А если я заплачу?

— Нет! — Ева выпрямилась. Глаза сверкнули. — Я не прошу у вас денег. Я не нищая. У меня есть гордость.

— Гордость не съешь.

— Гордость — это единственное, что у меня осталось. — Она сжала ручку тележки. — Я не возьму от вас ни копейки. Мы моем машину, я отрабатываю долг, и мы расходимся. Всё. Без лишнего.

Марк молчал. Смотрел на неё. На её сжатые губы, на трясущиеся руки, на нелепые кроссовки. И вдруг понял: она действительно откажется. Уйдёт. Босиком по морозу, но не возьмёт.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда я сделаю по-другому.

Он развернул свою тележку. Ева увидела там чёрную икру, трюфельное масло, французский сыр с плесенью, ветчину за 5000 рублей за сто грамм и шоколад в золотой обёртке.

— Вы питаетесь как инопланетянин, — вырвалось у неё.

— Я питаюсь как человек, который может себе это позволить. — Марк вытащил из своей тележки упаковку итальянских томатов и переложил к ней. — Это не подарок. Это... обмен.

— Какой обмен?

— Ты даёшь мне рецепт своей бабушки. Я помню, ты говорила, что она готовила томатный суп. А я даю тебе томаты. Честная сделка.

Ева моргнула.

— Рецепт стоит дешевле, чем эти томаты.

— Для меня — нет. — Марк взял у неё из тележки доширак и... положил обратно на полку. — Этого я не беру. Договор?

Она смотрела на томаты. Красивые, спелые, пахнущие солнцем. Бабушка готовила такой суп каждое воскресенье. До того как умерла.

— Договор, — прошептала Ева.

На кассе случилась Алиса.

Она стояла в очереди перед ними с крошечной корзинкой, в которой лежала только минеральная вода за 1500 рублей. Увидела Марка — и всё её лицо расцвело.

— Марк! Какая встреча! Ты забыл, что у нас ланч через час?

— Я не забыл. Я отменил его час назад. — Марк кивнул на Еву. — У меня важное дело.

Алиса перевела взгляд на Еву, на её тележку с гречкой и томатами, на куртку Марка, которая висела на Еве мешком.

— Мило, — сказала Алиса с улыбкой, которая не дошла до глаз. — Ты опекаешь бездомных? Благотворительность? Новый пиар-ход?

У Евы внутри что-то оборвалось. Бездомных. Благотворительность. Она уже открыла рот, чтобы ответить, но Марк её опередил.

— Алиса, — сказал он очень спокойно, но так, что кассирша вздрогнула. — Ты забываешься.

— Я просто...

— Ты просто уйдёшь сейчас. Без скандала. Без комментариев. Потому что Ева — мой гость, и я не позволю никому, даже тебе, оскорблять моих гостей.

Алиса побелела. Потом покраснела. Схватила свою воду и ушла, не попрощавшись.

Ева стояла, не дыша.

— Зачем вы это сделали? — спросила она тихо.

— Что именно?

— Защитили меня. Перед ней.

Марк положил свои продукты на ленту. Икры, сыр, трюфельное масло. Кассирша смотрела на чек с круглыми глазами.

— Потому что, — сказал Марк, не глядя на Еву, — никто не называет мою должницу бездомной. Это моя монополия.

Он оплатил свой чек. Потом, не спрашивая, взял её продукты и оплатил их тоже.

— Я же сказала, что не возьму! — возмутилась Ева.

— Ты не берёшь. Я даю. И потом ты вернёшь. Когда найдёшь работу. С процентами. — Он сунул чек ей в руку. — Это кредит. Договор?

Ева посмотрела на чек. 487 рублей.

— Вы даёте кредит на 487 рублей?

— Я даю кредит тому, кто готов мыть мою машину губкой «Аист». — Марк взял пакеты и направился к выходу. — Пошли. Дома тебя ждёт кастрюля, и я хочу этот бабушкин суп.

Она шла за ним по парковке. В огромной куртке, с пакетом продуктов, с чеком в руке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.